

Шарль Андлер. — МОЛОДОСТЬ НИЦШЕ. (Charles Andler. — La jeunesse de Nietzsche. Editions Bossard, Paris).

Мнѣ пришлось уже отмѣтить въ предыдущей книгѣ «Современныхъ Записокъ» появленіе перваго тома обширной работы Андлера, посвященнаго «Предшественникамъ Ницше». Второй томъ, «Молодость Ницше», обладаетъ тѣми-же достоинствами: громадная эрудиція, разнообразный, частью новый фактической матеріалъ, богатый, хотя и нѣсколько пестрый, перегруженный даже образами языкъ, и, что особенно цѣнно, — нѣжная, восторженная любовь къ личности гениальнаго философа и къ его мысли. Но любовь не всегда зряча, и самый подходъ Андлера къ творцу Заратустры представляется мнѣ, по прежнему, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ошибочнымъ.

Конечно, если считать, что Ницше принадлежитъ уже прошлому, что бунтъ его изжитъ, что мышленія его можно безъ труда свести къ нѣсколькимъ основнымъ идеямъ — сверхчеловѣкъ и пр., которыя не выдерживаютъ научной критики, тогда конечно, то или иное толкованіе ницшеанства, то или иное пониманіе личности философа — все это не представляется столь важнымъ въ данный моментъ, когда жизнь настойчиво требуетъ отъ насъ какихъ-то дѣйствій и заставляетъ насъ рѣшать практическія проблемы; тогда Ницше поступаетъ въ исключительное вѣдѣніе историковъ-философовъ, и жизнь его, и творчество становятся предметомъ изученія специалистовъ. Но книга Андлера, и въ этомъ, мнѣ кажется, ея особенное значеніе, построена на иномъ совершенно пониманіи своего предмета, на утвержденіи, скажь-бы я -- «здободневности» Ницше. Для Андлера ясна современность Ницше, значительность и дѣйствительность его мысли именно для нашей эпохи, и въ критической, и въ положительной своей части. Проблемы Ницше особенно остро ощущаются сейчасъ; это именно наши проблемы; сомнѣніями его продолжаемъ болѣть и мы, личная его драма — стала нашей. Болѣе даже того: лишь теперь Ницше можетъ быть нами понятъ и воспринятъ до конца, когда событія послѣднихъ лѣтъ воздвигли на нашемъ пути во всемъ ихъ объемѣ тѣ самые вопросы, которыми терзался и онъ, о которыхъ мы знали, конечно, приданая имъ, однако, до сего времени, почти исключительно теоретическое значеніе. Все это была — захватывающая, потрясающая даже, но все-же литература. Переоцѣнка всѣхъ цѣнностей! — литература. Для Ницше, конечно, то было жизненное дѣло; рѣшеніе должно было быть найдено здѣсь и сейчасъ. Ницше погибъ въ облѣтахъ сфинкса, а нынѣ въ новомъ, коллоссальномъ образѣ сфинкса сталъ и на нашемъ пути: индивидуальная трагедія об-

ратилась въ трагедію міровую; нужно рѣшить, нужно сдѣлать, найти какой-то путь или погибнуть.

Непосредственнымъ учителемъ нашимъ Ницше долженъ стать и въ умѣнїи быть безопащнымъ къ себѣ. Наше время въ этомъ нуждается больше всего; здѣсь Ницше — незамѣнимъ. Онъ лучший профессоръ искренности передъ самимъ собою и безпокойства, которое не хочетъ быть обманутымъ и убаюканнымъ многочисленными успокоительными средствами современной культуры. Такъ прїятно и легко было бы укрыться за какой-нибудь ложью отъ навалившейся на насъ чуждой, непонятной страшной дѣйствительности и спрятаться за ширмами словъ, теорій, идеаловъ. Въ этомъ страшная опасность, ибо такимъ образомъ мы обманемъ лишь самихъ же себя и, въ лучшемъ случаѣ, если избѣжимъ гибели — окажемся бессильными. Суровая безопащность Ницше дѣлаетъ его намъ особенно дорогимъ. Въ немъ не было лжи. Имѣю, конечно, въ виду не Ницше перваго періода, профессора классической филологїи, автора Рожденія Трагедїи, но Ницше, истощеннаго болѣзнью, прошедшаго школу французскихъ моралистовъ, автора «Человѣческаго слишкомъ Человѣческаго», «Утренней Зари» и др.

Если понять какъ слѣдуетъ эту специфическую честность, безопащность Ницшевскаго генія, суровость по отношенію къ друзьямъ и къ себѣ, совершенно непрїемлемымъ представляется стремленіе Андлера обратить Ницше въ какаго-то нео-идеалиста, нео-платоника, все дѣло котораго состояло въ томъ, чтобы разрушивъ старья, подыскать новья, «разумныя» основанія жизни и творческой, культурной дѣятельности. Что къ этому именно свелись какъ будто попытки Ницше, изъ бунтаря, нигилиста, революціонера обратившагося, въ концѣ концовъ, въ законодателя и реформатора, — съ этимъ приходится согласиться: одни идеалы, однѣ нормы онъ въ конечномъ результатѣ замѣнилъ другими. Не въ этомъ реформаторствѣ однако пафосъ Ницше, но въ прозрѣнїи изначальной трагичности бытія; онъ понималъ, ощущалъ всегда въ глубинѣ иллюзорный характеръ всѣхъ возведенныхъ имъ новыхъ нормъ, формулъ, идеаловъ, зналъ, что это — лишь игра, нужная, необходимая даже, быть можетъ, для земнаго строительства, и хотѣлъ сдѣлать эту игру сознательной. Если видѣть въ «переоцѣнкѣ цѣнностей» (по такова именно позиціи Андлера) перестановку терминовъ добро-зло, истина-ложь и др., попытку новаго законодательства, то истинный смыслъ героическаго пессимизма или трагическаго оптимизма Ницше совершенно потеряны.

Превосходны въ книгѣ Андлера страницы посвященныя семейной, а позднѣе школьной обстановкѣ, въ которой воспиты-

вался Ницше; мѣткн и даже блестящи характеристики его ближайшихъ друзей и профессоровъ, въ особенности Ритчля. Но наибольшее значеніе (ибо здѣсь много дѣйствительно новаго) представляютъ главы, описывающія — дружбу, а затѣмъ ссору Ницше и Вагнера. Ихъ сближеніе, тайная, а позднѣе — явная борьба между ними, роль, которую здѣсь сыграла Козима Вагнеръ, платоническій романъ между нею и Ницше, попытки Ницше, сначала, побѣдить Вагнера въ сердцѣ Козимы, а затѣмъ — оторвать Вагнера отъ Козимы, спасти его отъ тлетворнаго, по мнѣнію Ницше, вліяніе Козимы, всё сложныя перипетіи этихъ отношеній изложены Андлеромъ проникновенно и безпристрастно. Здѣсь не было, конечно, ни правыхъ ни виноватыхъ, что бы ни говорили друзья той и другой стороны: и Ницше, и Вагнеръ хотѣли главенствовать; каждый изъ нихъ мечталъ подчинить себѣ другого и использовать въ своихъ дѣлахъ. Разочарованіе наступило одновременно съ обѣихъ сторонъ, когда оказалось, что Ницше отказывается быть только глашатаемъ Вагнеризма, а Вагнеръ не хочетъ, да и не можетъ осуществить мечты молодого Ницше о возрожденіи эллинской культуры. Для моралиста здѣсь собранъ интереснѣйшій, хотя и скорбный, матеріалъ: вновь убѣждаешься, что и величайшимъ гениямъ не чуждо ничто человѣческое, даже самое мелкое и пошлое.

В. Ш.
